

НАТАЛЬЯ

Александрова

следствие
ведет:

**ВАСИЛИСА
СЕЛЕЗНЕВА**

А воська
для бриллиантов

Следствие ведет Василиса Селезнева

Наталья Александрова

Авоська для бриллиантов

«АСТ»

2010

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Авоська для бриллиантов / Н. Н. Александрова — «АСТ»,
2010 — (Следствие ведет Василиса Селезнева)

ISBN 978-5-17-102890-9

Могла ли Василиса Селезнева знать заранее, чем обернется обычная прогулка с собакой? Бордоский дог Бонни откопал в куче осенних листьев... нет, не дохлую крысу, а обычную дамскую сумку, видимо украденную в трамвае или сорванную с плеча. Первой мыслью Василисы было выкинуть эту сумку от греха подальше в первую попавшуюся мусорку, однако любопытство взяло верх, и она проверила ее содержимое. Кроме обычных женских мелочей в сумке обнаружился талон на прием к стоматологу, и наивная Василиса, пытаясь сделать доброе дело и найти хозяйку, затеяла расследование. А дальше закрутился такой сюжет, что мама не горюй! Книга также выходила под названием «Утром деньги, вечером пуля».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102890-9

© Александрова Н. Н., 2010
© АСТ, 2010

Наталья Александрова

Авоська для бриллиантов

© Н. Александрова, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

– Бонни! – закричала я что есть мочи. – Сейчас же прекрати! Что я тебе сказала!

Как и следовало ожидать, он сделал вид, что совершенно ничего не слышит.

Вообще говоря, я его очень люблю, и это вполне объяснимо: он удивительно красивый – чудесного песочного цвета, с рельефной мускулатурой и очень выразительным взглядом. Правда, мое пристрастие разделяют далеко не все люди. Особенно те, кто встречает его под вечер на плохо освещенных улицах Васильевского острова, где мы живем с некоторых пор. Некоторые наиболее впечатлительные прохожие едва не падают в обморок. Другие, порезвее, – бросаются наутек. Тогда Бонни поворачивается ко мне и спрашивает взглядом: «Можно, ну можно я немножко побегая? Ведь это будет так весело!»

Хотя он прекрасно знает, что я ему ни в коем случае не разрешу.

Дело в том, что Бонни (если кто еще не знает) – бордоский дог, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мало того что эта порода собак сама по себе очень крупная, а Бонни даже для своей породы уродился настоящим великаном. На выставки его не пускают, потому что он больше стандарта породы. И взгляд его далеко не всем кажется приятным и выразительным.

Например, мой приятель капитан Творогов из милиции серьезно утверждает, что знаменитая собака Баскервилей, описанная сэром Артуром Конан Дойлем, по сравнению с Бонни – просто мальтийская болонка или карликовый пудель.

Но я немного отвлеклась.

Итак, Бонни сделал вид, что не слышит моих возмущенных криков, и продолжал разрывать огромную кучу желтых осенних листьев.

– Бонни, прекрати немедленно! – воскликнула я еще раз без большой надежды на успех и подбежала, чтобы за ошейник оттащить его от этой кучи.

Дело в том, что вкусы у Бонни довольно оригинальные, и если он заинтересовался этими листьями – наверняка под ними зарыта какая-нибудь гадость, например дохлая крыса. А я крыс не переношу ни в каком виде – ни в живом, ни в мертвом. Кроме того, Бонни обожает забираться в мою постель, и после контакта с этой гадостью... ну, вы сами понимаете, как это приятно!

– Прекрати сейчас же! – повторила я еще раз и ухватила его за ошейник... но тут же поняла, что опоздала, опоздала самую малость: негодяй уже до чего-то дорылся и вытащил это что-то на свет божий, радостно скаля жуткую морду.

– Брось сейчас же эту гадость! – проговорила я по инерции и только тогда разглядела, что же он, собственно, вытащил.

К счастью, это была не дохлая крыса и не что-нибудь еще похуже (хотя не знаю, что может быть хуже дохлой крысы).

Это была дамская сумка. Очень приличная и очень дорогая, насколько можно было судить после того, как она побывала в зубах моего любимого Бонни. Кажется, я видела похожую сумку в галерее высокой моды на Невском. Не факт, что эта сумка действительно крутой фирмы, может быть, просто приличная имитация.

– Бонни, отдай! Отдай сейчас же! – крикнула я и попыталась отнять сумку у пса.

Но он решил, что я с ним просто хочу поиграть. А среди его любимых игр игра «попробуй отними» занимает одно из первых мест.

Обычно мы с ним играем в эту игру с помощью старого резинового мячика, до того изгрызенного, что его первоначальную форму уже невозможно определить. А тут появилась новая игрушка, так что радости Бонни просто не было границ. Он подпрыгнул сразу на всех четырех лапах, как игривый щенок, и припустил от меня на хорошей скорости.

Мне ничего не оставалось, как броситься за ним вдогонку, пытаюсь на ходу взывать к его совести.

Наконец Бонни немножко сбавил темп: видимо, он понял, что я за ним не поспеваю, а играть в «попробуй отними» без партнера совершенно не интересно.

Я догнала его, схватила сумку и рванула на себя. Бонни, кажется, наконец понял, что я с ним вовсе не играю, и выпустил свою находку из пасти.

Я огляделась, думая, что с ней делать.

До этого момента я об этом просто не задумывалась – гоняясь за Бонни, было не до размышлений. А теперь я поняла совершенно очевидную вещь: эта сумка краденая. Вор срезал ее у хозяйки в трамвае или автобусе или просто сорвал с плеча, вытащил все ценное, а саму сумку выкинул, как возможную улику. Точнее, не просто выкинул, а зарыл в кучу листьев, где ее и нашел мой оболтус Бонни.

Первой моей мыслью было выкинуть эту сумку от греха в первую попавшуюся мусорку. И я даже шагнула к ближайшему магазину, возле дверей которого стояла урна.

Но тут же я поняла, что, как это чаще всего бывает, первая мысль – далеко не самая умная.

В пылу погони мы с Бонни выбежали из тихого безлюдного двора и сейчас находились на Среднем проспекте. А Средний проспект Васильевского острова, если кто не знает, – одна из самых людных улиц Санкт-Петербурга. Здесь полно народу в любое время дня и ночи, и вся эта толпа обтекала нас, держась на некотором расстоянии. Что было вполне объяснимо, учитывая колоритную внешность Бонни и его более чем внушительные размеры. При этом, разумеется, мы привлекали к себе всеобщее внимание, и если я сейчас, на глазах заинтересованной публики, выброшу в мусорную урну сумку – с виду довольно дорогую и почти новую, – это заметят десятки людей, и, по крайней мере, половина из них заподозрит неладное. То есть все они, как и я только что, совершенно справедливо подумают, что сумка краденая, только они-то, в отличие от меня, будут уверены, что именно я ее украли, а сейчас отделяюсь от улики... А что – вид у меня после погони за моим четвероногим сокровищем не самый лучший – волосы растрепаны, на рукаве куртки грязь, к ботинкам прилипли листочки. Да и сама одежда и обувь поношенные и не слишком чистые – а кто же с собакой в дорогом да хорошем гуляет? То есть у прохожих такой вид, несомненно, вызовет подозрение.

Нет, выкидывать сумку на глазах у публики никак нельзя!

Но и идти с ней дальше тоже небезопасно: у меня на плече висела своя собственная сумка, в руках – вторая, а это, согласитесь, довольно подозрительно. Девушка с двумя сумками выглядит примерно так же, как известный памятник вождю мирового пролетариата, где незадачливый скульптор изобразил его с двумя кепками: одна – на голове, а другая – в руке...

Кроме того, существует вероятность (пусть и небольшая) встретить хозяйку краденой сумки. Тогда мне будет очень трудно перед ней оправдаться.

Короче, я вытащила из своей сумки фирменный пластиковый пакет, запихнула в него злополучную находку и пошла себе дальше с самым независимым видом, решив выкинуть эту чертову сумку при первой возможности.

Правда, по ходу дела мне пришла в голову еще одна мысль: прежде чем выбрасывать сумку, надо бы проверить ее содержимое. Вдруг в ней остались какие-то документы или еще что-то важное – тогда нужно найти ее хозяйку и вернуть ей потерю. Тем более что я вспомнила,

как совсем недавно мы с дядей Васей по заданию одной девушки искали ее сумку, точно так же украденную у нее случайным вором. Тогда поиски этой сумки стоили нам огромных усилий, а уж что мы узнали в итоге, и вспоминать не хочется... Впрочем, это совсем другая история.

Кстати, раз уж я упомянула дядю Васю – надо сказать, кто это такой и что меня с ним связывает. Василий Макарович Куликов – отставной милиционер, не так давно вышел на пенсию и, чтобы не скучать и не маяться от безделья, открыл частное сыскное агентство. И меня он пригласил в это свое агентство на должность то ли секретаря, то ли бухгалтера, то ли девочки на побегушках, хотя на самом деле мне очень часто приходится исполнять роль оперативника и детектива. Кроме совместной работы, нас связывает дружба, а еще – одинаковые имена: он – Василий, я – Василиса... Да, вот таким оригинальным именем наградили меня безответственные родители!

За этими мыслями я осознала, что нахожусь на углу Среднего проспекта и Третьей линии, перед входом в свою любимую кофейню. В этом подвальчике работала моя знакомая, Мила, которая обладала двумя несомненными достоинствами: у нее был замечательный характер и она прекрасно варила кофе. Кроме того, она была связана узами дружбы с моими друзьями из милиции – капитанами Твороговым и Бахчиняном. И этих двух капитанов с большой вероятностью можно было застать у нее в подвальчике.

Тут я решила, что после беготни и подвижных игр с Бонни мой организм нуждается в порции кофеина, и спустилась по крутым ступенькам в Милкин подвальчик.

Кроме уже названных достоинств, эта кофейня обладала еще одним, и очень важным: ни в одно заведение, кроме этого, меня не впустили бы с Бонни, а Мила хорошо знала моего пса и разрешала ему заходить в кофейню, взяв с него (и с меня тоже) слово, что он будет себя прилично вести. И даже угощала его горячими бутербродами с ветчиной, до которых Бонни был большой охотник.

Итак, мы с Бонни спустились в подвальчик и, разумеется, увидели за угловым столиком обоих неразлучных капитанов. Правильно, сейчас утро, и они в это время всегда пьют кофе у Милы, чтобы, как выражается капитан Бахчинян, день расцвел всеми красками жизни от такого дивного напитка.

Капитан обаятелен и по-восточному речист.

Творогов и Бахчинян сидели, пригорюнившись, над полупустыми чашками кофе и обменивались глубокомысленными репликами:

– М-да... глухое дело... – говорил Леша Творогов с тяжелым, грустным вздохом.

– И не говори... натуральный висяк! – вторил ему Ашот Бахчинян, потупив взор своих выразительных восточных глаз.

– Мальчики, хотите тирамису? – подала голос из-за стойки Мила, стремясь хоть чем-то утешить друзей.

– До того ли! – вздохнул Бахчинян. – Вот еще одну чашечку кофе можно...

Тут все трое увидели меня, точнее – нас с Бонни.

– Привет, Вася! – проговорил вежливый Бахчинян. – Присядь с нами, раздели, так сказать, нашу печаль!

Леша Творогов посмотрел на меня жалобно и отвел глаза. Все ясно, у него опять начался романтический период.

Дело в том, что у нас с Лешей очень сложные отношения. Познакомились мы, когда два бравых капитана задержали меня по подозрению в убийстве. Убийства я, разумеется, не совершала, но обстоятельства оказались против меня, и мне пришлось бы туго, но сильно помог дядя Вася, за что по гроб жизни буду ему благодарна.

С тех пор Леша проникся ко мне нежной симпатией – то ли виноватым себя чувствовал за несправедливое обвинение, то ли я произвела на него впечатление. Иногда, примерно раз в три

месяца, Творогов пытается перейти к решительным действиям, но я всегда начеку и успеваю прервать его косноязычные объяснения в любви и увернуться от ухаживаний.

Леша – хороший парень, но после моего развода прошло не так много времени, мне совершенно не хочется начинать все заново. И к тому же Бонни не сильно жалуется Лешу – не то чтобы ревнует, просто у Творогова дома живет кот.

– Чем же вы так опечалены, мальчики? – осведомилась я, усаживаясь за их столик.

Бонни разлегся у моих ног и из-под стола выразительно поглядывал на Милку, намекая ей на вкусный бутерброд.

– Да вот, представляешь, Вася-джан, – ответил Ашот, – только мы с Лешей смену оттрубили, хотели кофейку выпить и по домам отправиться – тут как раз убийство на нашей территории. Мы хотели его сменщикам скинуть – а они говорят, что наше дежурство еще не кончилось! Представляешь – без пяти минут было! Еще бы пять минут – и все, на них спихнули бы! Ну, надо же, какая невезуха!

– Главное дело, – перебил приятеля Творогов, – убийство-то совершенно дохлое, чистый висяк!

– Глухарь! – поддержал его Бахчинян. – Полная безнадега! Дохлый номер!

– А что, – спросила я из вежливости, – личность потерпевшего не удалось установить?

– Да наоборот! – отмахнулся Творогов. – Мы этого, так сказать, потерпевшего знаем как облупленного! Да не только мы – вся василеостровская милиция! Он у нас постоянный клиент, можно карту дисконтную оформлять...

– Это как?

– Да вор он, – ответил за напарника Бахчинян, – сумки срезает в трамваях и автобусах.

– Сумки? – переспросила я. – А мы тут с Бонни как раз сумку нашли. Думаем, она краденая... Вот что нам с ней делать?

– Не до тебя, Вася! – отозвался невежливый Творогов. – У нас тут убийство нераскрытое на шее висит, а ты – сумка! Этот Брелок несчастный...

– Какой еще брелок?

– Да у этого воришки, потерпевшего сегодняшнего, кличка такая – Брелок! Мы его уж сколько раз по горячим следам задерживали и ни разу не смогли дело оформить – он все улики сразу скидывает, и попробуй что-нибудь докажи... так вот, если бы сидел сейчас – глядишь, жив бы остался...

Тем временем к нашему столу подошла Мила. Она принесла Ашоту кофе, а Бонни – большой калорийный бутерброд с ветчиной и сыром. Причем, по знакомству, ветчины в него запихнула двойную порцию, если не тройную.

– Держи, Бонечка! – с этими словами Мила протянула Бонни бутерброд. Мой прожорливый красавец чуть-чуть приоткрыл свою безразмерную пасть... и бутерброд бесследно исчез. В глазах Бонни появилось выражение безмерного удивления и разочарования – как, мне же вроде предлагали какой-то вкусный бутерброд, и где же он? Что-то я не понял!

– Ну, ты даешь, Бонечка! – восхитилась Мила. – Ты прямо как наш пожарный инспектор Сапожков! Ему тоже не успеваешь положить что-нибудь на тарелку – как он уже схочмячил и добавки требует!

Бонни очень жалостно посмотрел на Милу и облизнулся своим огромным розовым языком. Это выражение морды можно было перевести так: «Я не прошу, но жду...»

– Ну ладно, Бонечка, сейчас я тебе еще сделаю! – смягчилась мягкосердечная Мила.

– Милка, не давай ему больше! – вмешалась я в их интимные взаимоотношения. – Он и так растолстел за последний месяц, а нам скоро к ветеринару идти...

– Хорошего человека должно быть много, даже если он собака! – вздохнула Мила и посмотрела на Бахчиняна. – Вот погляди, Ашот, какой у Бонечки аппетит! А ты только и знаешь, что на кофе налегаешь! Скоро в замочную скважину будешь пролезать!

– А что? – оживился Ашот. – Это очень удобно... при нашей работе! – И он выразительно подмигнул Милке.

– И кому этот Брелок понадобился? – вздыхал о своем Творогов. – Главное дело, что шеф наш уже икру мечет – ему на днях перед городским начальством отчитываться, а тут – нераскрытое убийство!

– Не переживай, Никитич! – поддержал коллегу Бахчинян. – Разберемся с этим убийством!

– Ну да, как же, разберемся! Никаких следов... самый настоящий висяк!..

– А из-за чего убили-то? – поинтересовалась я, опять же из вежливости. – Не поделили что-нибудь?

– Вот ты будешь смеяться, Вася-джан, – ответил за друга Бахчинян, – только, судя по всему, убили его с целью ограбления!

– Это как?

– Да обыкновенно! Вот у тебя в карманах всегда что-нибудь есть – деньги там, мелочи разные...

– У меня не в карманах, – машинально поправила я его. – У меня в сумке! Кстати о сумке...

– Ну да, правильно – у женщины в сумке, а у мужика в карманах всегда что-нибудь найдется, а у этого мазурика мы все карманы вывернули – и ничего, кроме ботинка!

– Ботинка? – переспросила я удивленно. – Он что, в карманах обувь носил?

– Да нет, не настоящий ботинок, вот такой, – и Ашот выложил на стол маленький игрушечный ботиночек из бежевой замши, с коричневыми шнурками, завязанными на бантик. Такие ботинки девушки иногда носят привязанными к сумке или к поясу.

– Правда, ботинок!.. – проговорила я и машинально потрогала игрушку – И это все?

– В том-то и дело! – Ашот развел руками. – Этот ботинок у него в кармане завалился, а больше – ничего! Ни денег, ни документов, ни ключей, ни бумажек каких-нибудь! Если бы мы его в лицо не знали, так и опознать бы не смогли! Так что выходит, что этого воришку убили с целью ограбления. Как это – поговорка такая есть?

– Вор у вора дубинку украл! – грустно ответил Творогов.

– Вот-вот! – обрадовался Ашот. – Вор у вора!

– Если бы все было так просто! – Творогов снова тяжело вздохнул, как вздыхает мой Бонни, когда понимает, что прогулка закончена и пора возвращаться домой. – Если бы все было так просто! В карманах-то у него чисто, как в операционной, да вот метод убийства наводит на нехорошие мысли...

– А какой такой метод? – на этот раз я действительно заинтересовалась. Все же я тоже детектив, и интерес к таким вещам у меня профессиональный...

– Шилом его закололи! – сообщил Бахчинян, невольно понизив голос. – Один удар в область сердца! Сразу насмерть...

– Профессиональная работа! – пожаловался Творогов. – Серьезный убийца действовал, а серьезный убийца никогда следов не оставляет... Только вот зачем серьезному убийце понадобилась такая мелюзга, как Брелок?

– Да ладно, Никитич, не переживай! Найдем мы этого убийцу, будь он хоть профессионал, хоть любитель!

– Да, найдем, как снег прошлогодний! – вздохнул Творогов. – Никаких улик, никаких следов, никаких зацепок, а полковник требует, чтобы быстро расследовали...

– Да, мальчишки, так все же посоветуйте – что мне с сумкой делать?

– С какой сумкой? – Творогов посмотрел на меня, как верблюд, который подошел к оазису и понял, что это мираж.

– Да я же говорила – Бонни нашел чью-то сумку, скорее всего краденую...

– У нас убийство висит, а ты с какой-то сумкой... – завел Леша прежнюю песню, так что я даже слегка забеспокоилась. Уж очень он мрачен и хмур. И не ошиблась ли я, когда приняла его жалобный взгляд за выражение чувств... Может, человек просто расстроен, неприятности у него служебные...

Однако что-то давно не признавался мне Творогов в любви. Вернее, не пытался. И не значит ли это, что он завел себе какую-нибудь обоже с квартирой?

Не помню, говорила я или нет, но у Леши после развода с женой очень тяжелые жилищные условия – он вернулся к матери, а там сестра очень своевременно вышла замуж, кажется, они не ладят с зятем... В общем, я знаю только, что капитану нужна любимая женщина обязательно с жилплощадью. Неужели он действительно переметнулся от меня к какой-нибудь швабре? Это надо непременно выяснить у Милы, она определенно в курсе.

– Да ну тебя, Алексей!.. – Я сделала вид, что обиделась. – Друг называется! Я к тебе за советом, а ты...

– Ты на него не обижайся, Вася-джан! – Бахчинян накрыл мою руку своей ладонью, но перехватил суровый взгляд Милы и отстранился. – Он в отпуск хотел, а теперь шеф его не отпустит. Но он правильно говорит – сумка твоя наверняка краденая, и тебе, значит, нужно идти к Гоше Стеценко, он у нас занимается уличными кражами и прочей мелочовкой. Только я тебе точно скажу – Гоша мужик нудный, он тебя допросами замаринует: где нашла, да при каких обстоятельствах, да не взяла ли чего из этой сумки, а сумку в итоге сдаст на склад вещдоков и навсегда про нее забудет. Так что если тебе своего времени и нервов не жалко, тогда, конечно, флаг в руки и барабан на шею, а если жалко...

– Жалко! – честно призналась я.

– А если жалко, выкинь ты ее где-нибудь в безлюдном месте, желательно без свидетелей, и забудь про нее как про страшный сон! И лучше выпей с нами чашечку кофе, ты же знаешь, как Мила его варит... Мила-джан, сделай Васеньке кофе, как только ты умеешь, и мне заодно еще чашечку... – Тут Бахчинян неожиданно рявкнул: – И хватит уже про эту сумку несчастную, у нас и так сегодня день не задался! А ты со всякой ерундой пристаешь!

Мила уже несла к нашему столу поднос с двумя аппетитно дымящимися чашками, при этом она как-то подозрительно переглядывалась с Бонни.

– Смотрите у меня! – прикрикнула я на них. – Думаете, я не замечаю ваши тайные знаки?

Что ж, пожалуй, капитан Бахчинян прав, он дал мне дельный совет, пусть и в недопустимо грубой форме. Хотя я на него нисколько не сержусь, потому что мы старые знакомые, можно даже сказать друзья, и еще ребята сегодня и правда на взводе после так несвоевременно случившегося в их дежурство убийства.

Итак, сумку нужно выбросить и поскорее забыть о ней. Так я и сделаю.

– Бонни, домой! – Мы распрощались с Милой и вышли на улицу.

Отойдя пару кварталов, я сунула пакет с сумкой в первую встречную урну и потянула Бонни за собой. На секунду отвлеклась на витрину соседнего магазина – там была выставлена очень симпатичная коротенькая шубка с капюшоном, а у меня как раз нету зимнего. И тут же меня боднули в бок.

Это Бонни протягивал мне пакет, вытасченный из урны. Да еще морду такую сделал – вот, мол, вечно ты все теряешь и забываешь, глаз да глаз за тобой нужен...

Я схватила пакет и побежала к следующей урне. Но там это бессовестное чудовище уперлось всеми четырьмя лапами и не пожелало уходить без пакета.

– Бонни, – сказала я как можно строже, – немедленно прекрати хулиганить! Мне некогда, и вообще, ты должен слушаться. Оставь пакет и пойдём!

Ага, сейчас он послушается, как же...

Я пыталась запихнуть пакет в урну, Бонни мне этого не давал, причем довольно успешно.

– А что это вы тут делаете? – раздался у меня за спиной подозрительный голос.

Подошла бдительная старушенция. Глаза под очками воинственно блестят, уши торчком, волосы под беретиком дыбом стоят.

– Это что это вы, девушка, в урну кладете? – вцепилась в меня старушенция.

– А вам какое дело? – огрызнулась я и тут же прикусила язык, но было уже поздно.

Старуха набрала в рот воздуха и заорала:

– А вот я сейчас милицию вызову, и они проверят, что ты там кладешь! Караул, террористы дом взрывают!

И ведь совершенно не боится Бонни! Да что там, она и саблезубого тигра не испугается. Лох-несское чудовище так обругает, что оно со страху ко дну пойдет! Кинг-Конга по стойке «смирно» поставит!

И вместо того чтобы защитить хозяйку и рыкнуть как следует на старуху, этот трус и провокатор поджал хвост и попятился. Я выхватила пакет из урны, другой рукой дернула негодя за ошейник, и мы покинули поле боя со всей возможной скоростью, а вслед нам неслись победные вопли старухи.

Мусорные баки возле нашего дома были полнехоньки, и наверху восседали три кошки, что делало подходы к ним для меня совершенно неприемлемыми.

Бонни обожает гоняться за кошками. При виде любой самой невзрачной кошки он необычайно оживляется, вырывает из моих рук поводок и несется за представителями семейства кошачьих со всех четырех лап. Вид у него при этом самый грозный, так что кошкам не поздоровилось бы в случае встречи.

Но дело в том, что приличные домашние кисы, чистюли и сибаритки, по улицам не гуляют. И на помойке не сидят толстые ленивые персы, изнеженные томные ангорки и изысканные сфинксы. По улицам гуляют хвостатые и полосатые прохиндеи, которые повидали на своем веку всякого и закалились в боях за место под скудным петербургским солнцем. А потому уличные кошки всегда успевают от Бонни удрать. Было, правда, несколько случаев, когда Бонни удавалось с ними близко пообщаться, но заканчивались эти случаи всегда грустно для моего глупого пса. Один раз пришлось даже к ветеринару его везти.

Но Бонни, к моему большому сожалению, никогда не учится на собственных ошибках и преследует кошек с упорством, достойным лучшего применения.

Так что помойку мы обошли стороной. И явились домой.

В квартире Бонни сразу же потерял интерес к пакету и устремился на кухню, я ведь говорила, что он жуткий обжора. И ведь ел же бутерброды у Милы! Я сделала вид, что не понимаю его намеков, и вытащила сумку из пакета.

Что ж, вещь хорошая. Совершенно не попорченная, почти новая, нигде ни царапины, хоть и побывала в зубах у Бонни. И дорогая, теперь я поняла это без сомнения.

Сумка была расстегнута – ясное дело, воришка тщательно пошарил в ней перед тем, как выбросить. Я вытащила кленовый лист, случайно попавший внутрь, и вытряхнула содержимое на газету. Было очень неприятно шарить в чужой сумке, как будто это я ее утащила. Но раз уж не получилось выбросить, то, возможно, я кое-что выясню о ее владелице...

– Все из-за тебя, – прошипела я лобастой рыжей головище, высунувшейся из кухни, – вечно выискиваешь всякую гадость. Теперь еще забота с этой сумкой...

Из моих слов Бонни понял только, что я недовольна и что никакой внеплановой еды он сегодня не получит до самого ужина. Дог тяжело вздохнул и разлегся в дверях, так что одна его половина была на кухне, а другая – в прихожей. Я же внимательно рассмотрела то, что вывалилось на расстеленную газету.

Во-первых, там обнаружился конверт. Самый обычный, почтовый, с художественной надписью «С Новым годом», а на картинке нарисованы Снегурочка и веселый заяц с морковкой. Причем заяц наверняка подвыпивший. Больше на конверте ничего не было – ни адреса,

ни подписи, ни почтового индекса. Я ожидала вытащить из конверта письмо, но там лежали только глянцевые фотографии. На всех трех снимках был изображен мужчина очень приличного вида – импозантный, с благородными седыми висками, хорошо одетый, лет сорока пяти. Но может, и больше, уж очень ухоженный, лицо гладкое, холеное, покрытое ровным загаром. Такой ровный загар приобретают не на мостике корабля и не в кишках змеями джунглей, а на дорогих приморских курортах. И никаких подписей на фотографиях не было, например: «Дорогой Танечке от Александра». Но все равно ясно, что на этих фотографиях запечатлен близкий мужчина хозяйки сумки. Потому что сумка принадлежала явно молодой женщине – большая, яркая и очень дорогая. А мужчина на фотографиях – это просто мечта невесты – интересный внешне и обеспеченный, сразу видно. Но мне это ничего не дает, так что пойдём дальше.

На газете еще лежали: почти использованный тюбик губной помады, расческа, начатая упаковка бумажных носовых платков, полупустая пачка сигарет, сломанная заколка для волос и использованная карточка для таксофона.

Ясно, что все мало-мальски ценные вещи вор из сумки вытащил, остались мелочи, которые постепенно накапливаются в сумке любой женщины. Кстати, если заглянуть в мою сумку, то там такого баракла гораздо больше.

Я потрясла сумку сильнее, и на пол спикировал небольшой прямоугольник из белого глянцевого картона. И только я протянула руку, как желто-песочное тело мелькнуло перед глазами, и картонка исчезла в огромной пасти.

Нет, вы подумайте, а? Только что валялся на полу, как боров в луже, а тут откуда столько прыти взялось?

Я не стала тратить время на бесполезные уговоры и пререкания, а просто со всех сил шлепнула это чудовище по морде многострадальной чужой сумкой.

Бонни прекрасно изучил мои воспитательные методы. Если я ору благим матом и обызваю его разными нехорошими словами, можно не обращать внимания и совершенно спокойно хулиганить дальше. Если я делаю строгое внушение негромким холодным голосом, то следует прислушаться, сделать выводы и малость притормозить. Если же я, ни слова не говоря, луплю его как сидорову козу чем придется, то это и правда серьезно. Нужно немедленно успокоиться и попросить прощения, потому что взбешенная хозяйка может очень разозлиться и уйти из дома надолго.

Больше всего на свете мой слонопотам боится остаться один. Он начинает выть и биться головой о стену, сами понимаете, как к этому относятся соседи.

Бонни посмотрел виновато – ну что ты, шуток, что ли, совсем не понимаешь, потом наклонил голову и выплюнул картонку на коврик в прихожей.

Это оказался талон на прием к стоматологу. Клиника называлась «Мультидент» и находилась поблизости, на Девятой линии нашего Васильевского острова.

Не помню, говорила я или нет, но у нас на Васильевском все есть, от родильного дома до кладбища, и некоторые старожилы годами в Большой город не выезжают.

На талоне стояла фамилия врача – Воронов, а также дата приема – сегодня, двадцать пятого сентября, в 16.30.

Это уже что-то. Конечно, гораздо лучше было бы, если бы неизвестная пострадавшая женщина хранила в сумке квитанцию о квартплате – там и адрес есть, и фамилия указана. Или завалились бы за подкладку водительские права... Хотя права-то уж воришка мигом бы отыскал, их можно продать той же владелице.

Итак, я взялась за трубку телефона, чтобы позвонить в клинику, но помедлила.

Дядя Вася, а полностью – Василий Макарович Куликов, с которым мы заняты совместной трудовой деятельностью, изредка проводит со мной воспитательные беседы, а попросту – учит

меня жить и работать. Относительно жизни я к нему не слишком прислушиваюсь, потому что он не больно-то в современной жизни разбирается, ему самому есть чему поучиться.

И то сказать: капиталов особенных он не нажил, честно оттрубил больше двадцати лет в одном отделении милиции. За что и получил благодарность при выходе на пенсию на словах, а также в виде нового телевизора. И все, больше никаких ценных вещей у него в квартире нету. Я понимаю, конечно, что не следует оценивать человека по его благосостоянию, но все же русская народная поговорка «Не в деньгах счастье!» в наше время как-то утратила свое значение. Без них, как говорится теперь, тоже не сахар!

Кстати, дядя Вася это хорошо понимает и учит меня жить только по привычке, и то не слишком настойчиво. Но что касается его опыта в работе детектива – то тут я слушаю его очень внимательно и мотаю все услышанное на ус.

«Василиса, – говорит дядя Вася, – прежде чем что-то предпринять, хорошенько подумай. Чаще всего в работе детектива требуется получить информацию. Теперь вопрос – от кого? Если от разговорчивых бабушек на лавочке – то это одно, к ним надо идти одетой поскромнее и без всякой косметики, они расфуфыренную девицу сразу осудят и ничего полезного ей не скажут, да еще обзовут по-всякому. Если от обычного законопослушного гражданина, то можно представиться сотрудницей государственных органов, только не старухам: они-то всех таких сотрудников у себя в районе в лицо и по именам знают – от паспортистки до участкового врача и работника собеса».

Вспомнив наставления старого милиционера, я положила трубку и задумалась. Чего я хочу в данный момент? Избавиться от проклятой сумки. И раз уже так получилось, что я ее не выбросила, то хорошо бы вернуть ее владелице. Потому что мне вдруг стало жалко эту незнакомую женщину. Мало того что обокрали и документы замучаешься теперь восстанавливать, так еще небось и по голове ударили или еще какие повреждения нанесли. И теперь еще и сумки дорогой лишиться. Не стану я ее выбрасывать!

Надо идти туда, в стоматологическую клинику, поняла я, и разбираться на месте. Потому что если я начну объяснять ситуацию по телефону, то реакция будет только одна, совершенно очевидная: меня пошлют подальше. Вежливо, поскольку клиника частная и довольно дорогая.

– Все из-за тебя! – сказала я Бонни, который робко заглядывал в прихожую.

Он понял, что я больше не сержусь, и выпустил на пол изрядную порцию слюны.

Я потянула на себя красивую тяжелую дверь, табличка на ней гласила, что клиника «Мультидент» работает ежедневно с 9.00 до 22.00, без выходных и праздников.

Холл был маленький, но уютный, светлый и чистый. Сразу видно, что здесь денег на ветер не бросают и не стараются поразить клиентов шиком и блеском. В конце концов, главное ведь лечение.

В углу за стойкой сидела девушка, за ее спиной стояло три металлических шкафа с карточками, перед ней – два телефонных аппарата, ксерокс и компьютер. Кроме меня, в холле не было ни одного посетителя – ясное дело, клиника дорогая, это тебе не в участковой поликлинике маяться в очереди, слыша из-за двери душераздирающие стоны страдальцев и шум бормашины.

– Добрый день! – поздоровалась я как можно приветливее и облокотилась на стойку.

Девушка оторвалась от компьютера и улыбнулась мне с профессиональной вежливостью.

– Вы хотели бы попасть к врачу? Дело в том, что у нас принимают только по предварительной записи...

– Да нет, я по другому вопросу, – сказала я, – вот...

И я положила на стойку талон на прием.

– В шестнадцать тридцать? Но вы пришли раньше... – немного растерянно проговорила девушка. – Вам придется подождать... хотя я, конечно, уточню...

– Да я вовсе не собираюсь на прием к доктору! – перебила я ее нетерпеливо. – Дело совершенно в другом. Понимаете, у меня есть собака...

И я как можно короче и убедительнее изложила историю с сумкой. Как только девица поняла, что я не являюсь потенциальным клиентом клиники, профессиональная улыбка сползла с ее лица, губы плотно сжались, а глаза подозрительно прищурились.

– Что вы хотите? – сухо спросила она.

– Я хочу вернуть сумку, – честно ответила я, – вещь дорогая, ничуть не поврежденная, человеку сейчас и так несладко, пускай хоть сумка назад вернется...

– И что? – процедила она сквозь зубы. – Вы хотите, чтобы я вам вот просто так, выслушав вашу невероятную историю, выболтала координаты нашей клиентки? Мы справок и вообще-то не даем, а в вашем конкретном случае – тем более, почему я знаю, откуда у вас эта сумка взялась. У нас приличная клиника, мы не хотим быть замешаны в сомнительных делах!

– Это правильно, – я держалась как могла спокойно, – но, боюсь, вы меня не совсем поняли. Я вовсе не прошу у вас координаты вашей клиентки, я просто хочу вернуть ей ее вещь. Я оставлю сумку у вас, а она придет на прием к шестнадцати тридцати и заберет ее, и все. Мне не нужна никакой благодарности, ни в устном, ни в денежном эквиваленте, если вы это имеете в виду!

И я положила на стойку сумку. И можете мне не поверить, но в глазах девицы блеснуло узнавание. Видела она эту сумочку, смотрела завистливыми глазами на нее и на ее хозяйку, уж настолько-то я в людях разбираюсь, дядя Вася научил! Однако реакция девушки снова меня удивила.

– Уберите! – взвизгнула она – Уберите немедленно!

– Да что вы так кричите? – растерялась я.

– Откуда я знаю, может, там бомба!

Ой, дурочка! Я раскрыла сумку и потрясла перед ней.

– Ну, какая бомба, что ты несешь-то...

– Я не могу ее взять, здесь не бюро находок! – ответила девица более твердо. – Обратитесь в милицию!

– Да кто там хозяйку сумки искать будет! – в сердцах сказала я. – Что у них, других дел нет?

В общем, злиться можно было только на Бонни и на собственную глупость. Ну, с чего я завелась с этой злополучной сумкой? Бросить ее и уйти!

Но теперь нельзя, эта девчонка еще охрану вызовет! А вот, кстати, отчего она этого до сих пор не сделала?

– Слушайте, так мы ни к чему не придем, – мирным тоном заговорила я, – мне вы телефон давать не хотите, но можете же сами клиентке позвонить. И спросить, украли у нее сумку или нет! И если она ответит утвердительно, то...

– Ладно, – неожиданно согласилась девушка, наверное, я очень ей надоела. Она перебрала стопку карточек, лежащих в большой пластиковой папке, на которой была написана фамилия Воронов, вытащила одну и набрала номер телефона, указанный сверху. Я незаметно скосила глаза на карточку. Было видно только фамилию – Щукина Алена не то Гавриловна, не то Георгиевна.

– Не отвечает, – сказала девица.

– А вы по мобильному звоните? – осенило меня. – Ну так как же она ответит, если у нее телефон украли!

– А другого тут нету! – девица машинально придвинула ко мне карточку.

Она тут же опомнилась, но я успела разглядеть, что Щукина Алена не Гавриловна, а Геннадьевна, да еще и возраст – двадцать девять лет. Так я и думала, что она молодая.

– Ничем не могу вам помочь! – администратор убрала карту.

– Что ж, по крайней мере, вы можете ей передать, что я приходила, – вздохнула я.

– А вы телефончик оставьте! – Теперь в голосе девицы звучало несомненное ехидство.

– Нет уж! – настал мой черед грубить. – Как вы со мной, так и я с вами! Не собираюсь свои координаты давать, мало ли какие у вас клиенты, впутаете в такую историю, потом не оправдаешься!

И поскорее выкатилась из холла, да еще и дверью хлопнула напоследок.

Если бы у меня были срочные дела, я засунула бы злосчастную сумку куда-нибудь подальше и выбросила этот случай из головы. Но дел на этот момент у меня никаких неотложных не нашлось. Мы с дядей Васей находились на мели – заказов на расследование не поступало, да и раньше-то случались они нечасто, так что я даже подумывала, не заняться ли поисками работы, поскольку прокормить Бонни – это, доложу я вам, задача не из легких. Но жалко было дядю Васю – он хоть и петушится, но на самом деле без меня, конечно, не справится. Да и нравится мне эта работа, все лучше, чем в офисе сидеть, слушать сплетни, полировать ногти и обсуждать наряды жены начальника.

А у нас с дядей Васей работа интересная, творческая, только бы заказов побольше.

Так что сегодня времени у меня было навалом, и я решила отправиться по магазинам, а Бонни пускай посидит дома один и подумает о своем поведении.

Однако закон сохранения энергии в моем изложении звучит так: ничто в мире не пропадает бесследно, все находится в равновесии. А если понятнее, то тот человек, у которого есть деньги, чтобы тратить их в магазинах, обычно испытывает острый дефицит времени, которое нужно, чтобы по этим магазинам ходить. А если имеется время в неограниченном количестве, то здорово не хватает денег на то, чтобы удовлетворить свои запросы.

Исключение составляют неработающие жены олигархов или просто богатых людей, к коему числу я не принадлежу и, как ни грустно это признавать, принадлежать не буду. Потому что где их взять, олигархов-то, на всех не напасешься...

Итак, проболтавшись по магазинам, я только устала и расстроилась. То, что нравилось, было мне совершенно не по карману, а что подходило по цене, то не то что мерить – смотреть невозможно.

И вот когда я, злая и замученная, тащилась домой, на пути снова попала в клиника «Мультидент». Я вспомнила про злополучную сумку, собственно, я про нее и не забывала, потому что таскала с собой пакет, и он мне порядком надоел. Часы показывали четверть шестого, стало быть, хозяйка сумки уже давно сидит у стоматолога, как там его, у доктора Воронова. Мне эта история уже порядочно надоела, так что сейчас брошу сумку в холле и убегу, пускай они там сами разбираются.

Я потянула на себя тяжелую дверь. В холле по-прежнему никого не было, так что я с некоторым злорадством поняла, что дела-то у клиники идут далеко не блестяще, потому что на дворе финансовый кризис, люди стали денюжки считать. Конечно, на своем здоровье экономить грех, и зубы у народа болят, несмотря на кризис, но можно ведь найти что-нибудь подешевле...

За стойкой сидела прежняя девица, но, подойдя ближе, я заметила, что она сильно изменилась. Несколько часов назад это была вполне себе симпатичная девушка, волосы причесаны аккуратно, макияж, опять же, в порядке, блузочка беленькая с кружевами. Теперь нос у нее был красный, тушь размазалась, волосы уныло висели вокруг лица, а само лицо напоминало вареную картошку. Увидев меня, девица ничего не сказала, только шмыгнула носом и отвернулась.

– Чтой-то с тобой? – по-свойски спросила я. – Чего ревела-то? Кто обидел?

Она глянула исподлобья и снова засопела. Потом высморкалась в салфетку и подперла щеку рукой.

– Ты хоть меня помнишь? – начала я издалека. – Я насчет сумки приходила.

– Она не пришла, – перебила меня девица, – она не пришла и не позвонила. И этот козел... – она мотнула головой в сторону коридорчика, откуда слышался звук бормашины, – наехал на меня. У него, видите ли, простой, его время, видите ли, дорого стоит! И по моей милости он теряет деньги!

– А ты-то при чем? – удивилась я.

– Вот именно, если у нее телефон не отвечает!

– Слушай, если она не пришла, стало быть, заболела или, не дай бог, сильно ее поранили при ограблении и она в больнице! – прозрела я. – Так что не реви и успокойся, этой самой Алене Щукиной сейчас гораздо хуже, чем тебе...

– Да-а, а еще он сказал, что будет ставить вопрос перед руководством о моей полной профессиональной непригодности и последующем увольнении!

– Так и сказал? – протянула я сочувственно. – А он, Воронов этот, что – большая величина? Крупный специалист? И правда к нему больные в очередь стоят?

– Да какое там! – Администраторша махнула рукой. – Он просто начальницы нашей то ли двоюродный, то ли троюродный брат. Выписала она его откуда-то из тмутаракани, он и загордился, нос задрал. Ноль без палочки!

– Да плюнь ты на него, что работы не найдешь, что ли?

– Ага, тут платят хорошо, а что я умею? Только за стойкой сидеть да улыбаться. Таких, он сказал, на рынке десять рублей ведро!

– Хам какой! – возмутилась я.

– Да еще эта Щукина в прошлый раз пятьсот рублей задолжала. Не смогли мы с ней разойтись, она и говорит, что в следующий раз занесет, я и поверила. Теперь вычтут...

– Не реви, – строго сказала я, – лучше причешись, а то и вправду уволят.

Она взглянула на себя в зеркало, ахнула и нырнула под стойку, чтобы привести себя в порядок. Я быстренько придвинула к себе карточку Алены Щукиной, которая сиротливо валялась на стойке, – все остальные, надо думать, забрал с собой скандальный доктор Воронов. Кроме фамилии и возраста, там был еще адрес – Малый проспект, дом 13, квартира 52. Малый проспект – это тоже близко, на Васильевском, у нас все есть – и Большой проспект, и Средний, и Малый. Ничего странного нет в том, что человек выбирает клинику поближе к дому.

Больше в карточке не было никаких для меня полезных сведений, только записи насчет зубов. Насколько я могла понять, зубы у неизвестной Алены были не очень хорошие, она их часто лечила.

Администраторша вынырнула из-под стойки причесанная и подкрашенная.

– Ну, пойду я, – вздохнула я, – удачи тебе! Черт, и угораздило же меня с этой сумкой!

– Меня Надей зовут! – невпопад сообщила девица и продолжала доверительно. – Знаешь, сумка и правда ее, Щукиной этой, я помню, она с ней приходила. И я про нее обязательно узнаю у Татьяны Ивановны, завтра ее смена.

Как выяснилось из дальнейшего разговора, клиника принимает больных только по предварительной записи. Так удобнее для врачей – чтобы зря время в кабинете не проводить. И она, Надя, всегда ведет учет, откуда клиент узнал про клинику. Из рекламной газеты, или знакомые подсказали, или же просто случайно на улице вывеску увидел. Начальство так велело.

Так вот, эту Алену Щукину привела к ним в клинику доктор Татьяна Ивановна, не то они подруги, не то соседи, Надя еще и скидку ей сделала по распоряжению начальницы. Так что свои кровные пятьсот рублей она платить не собирается, через Татьяну их раздобудет.

– Ну и ладно, – сказала я, – я завтра позвоню.

Простились мы с Надей по-хорошему.

Мы с Бонни живем теперь в небольшом двухэтажном особнячке, в котором всего четыре квартиры. Одну половину дома занимает большое семейство – мама, папа, теща и дети, во

второй половине на первом этаже помещаемся мы с Бонни, а квартира над нами пока стоит пустая после ремонта. Хозяин не то живет у жены, не то все время куда-то уезжает, мы видели его считанные разы.

К дому примыкает небольшой участок земли, огороженный сеткой. За лето я здорово над ним потрудилась – беспощадно выполола сорняки, разбила газон и две клумбы. Газон Бонни тут же вытоптал, цветы сами завяли, потому что этот негодяй подрывал корни – ему, видите ли, казалось, что там, под землей, живет крот и его просто необходимо поймать. Вдоль соседского забора я высадила колючий шиповник, за что Бонни очень на меня обиделся. Но иначе нельзя, был случай, когда Бонни прорыл туннель под забором, ворвался на соседский участок и до смерти перепугал хозяйскую тещу.

За время моего сегодняшнего отсутствия дог вел себя почти прилично, если не считать разорванного в клочья мячика, залетевшего к нам во двор с соседней волейбольной площадки. Я только вздохнула – придут жаловаться, тогда заплачу, а сама искать потерпевших ни за что не стану, сил нету.

Василий Макарович Куликов посмотрел на потолок, как будто там хотел найти ответ на стоявший перед ним серьезный вопрос. Но единственное, что пришло ему в голову при виде потолка, – это то, что давно пора сделать в квартире ремонт. Тем более что это теперь не только его квартира, но и офис созданного им частного детективного агентства. Правда, агентство это совсем маленькое, в нем всего двое сотрудников – сам Василий Макарович и славная девушка Василиса, но тем не менее офис должен выглядеть прилично, чтобы не отпугивать потенциальных клиентов.

Василий Макарович снова опустил глаза на развернутую газету, и его внезапно осенило: негативное состояние экономики из шести букв – это кризис.

Куликов разгадывал кроссворд. Себя он утешал тем, что подобное занятие тренирует память и оттачивает его ум, столь необходимый в трудной работе частного детектива. Однако утешение было слабое: в его личной экономике давно уже наступил самый настоящий кризис, ни один клиент не приходил в его офис, несмотря на то, что рекламная газета постоянно печатала его объявление.

Василий Макарович перевернул страницу с кроссвордом и открыл ту самую страницу, где располагалось его рекламное объявление. Оно было на прежнем месте: «Частный детектив с большим опытом работы по специальности поможет вам в разрешении любых проблем. Ваши проблемы – моя работа».

Специалист по рекламе, с которым Куликов обсуждал это объявление, уверял Василия Макаровича, что клиенты после его публикации повалят косяком. Он утверждал, что текст составлен по всем законам психологии, что он, несомненно, вызовет у потенциальных клиентов доверие к Василию Макаровичу и создаст уверенность в его высоком профессиональном мастерстве.

Однако клиентов отчего-то не было. А деньги таяли с угрожающей скоростью – та же публикация в рекламной газете обходилась ужасно дорого... Может быть, прекратить эту публикацию, тем более что никакой пользы она не приносит?

Василий Макарович вздохнул и покосился на старомодный телефонный аппарат. Тот и не думал звонить. За весь сегодняшний день раздался один-единственный звонок, да и то оказалось, что ошиблись номером.

Пора прекратить пустую трату времени и денег, пора заняться каким-нибудь настоящим, реальным делом!

Но Василий Макарович понимал, что единственное дело, которым он хочет и может заниматься, – это работа детектива. То есть поиск неопровержимых улик и доказательств, опрос

свидетелей, многочасовые засады, преследование подозреваемых... В общем, то, чем он занимался до ухода на пенсию.

Василий Макарович снова вздохнул, поднялся из-за стола, потирая поясницу, и подошел к окну.

За окном был славный солнечный сентябрьский денек, настоящее бабье лето.

Вот перед самым подъездом остановилась машина, из нее выскочила полная, ярко одетая женщина. Что-то недовольно буркнув шоферу, она громко хлопнула дверью машины и подошла к подъезду.

Женщина была незнакомая, в своем доме Василий Макарович ее не встречал. Он отошел от окна, и тут в прихожей раздался мелодичный сигнал домофона.

«Наверное, квартиру перепутала», – подумал Куликов, однако вышел в прихожую и снял трубку домофона.

– Слушаю! – проговорил он солидно.

– Я к частному детективу! – проквакал в трубке искаженный домофоном голос.

– Заходите! – Василий Макарович нажал кнопку и заметался по квартире.

Первым делом он оглядел свой кабинет.

Конечно, эту комнату только с натяжкой можно было назвать кабинетом. По-хорошему, вообще не годится устраивать офис на дому, следовало бы снять помещение в каком-нибудь бизнес-центре, но такой расход Василий Макарович не мог себе позволить.

Открыв частное агентство, он убрал из комнаты все лишнее и тщательно прибрал ее, чтобы она производила на клиентов серьезное и основательное впечатление. Кроме того, он повесил на стене почетную грамоту, которой его наградили незадолго до выхода на пенсию за задержание особо опасного преступника, вора-рецидивиста по кличке Валидол, а на других стенах – свои фотографии в милицейской форме, среди коллег и сослуживцев.

Однако клиенты все не шли, и комната постепенно превращалась из кабинета в обычную жилую комнату. На столе стоял стакан с недопитым чаем, рядом валялся огрызок яблока. В кресле для посетителей откуда-то взялась открытая книга, на полу – диванная подушка...

Василий Макарович поспешно убрал все лишнее и бросился к двери – открывать на звонок.

Он понимал, что уважающий себя частный детектив не должен бегать на звонки. Он должен встречать клиентов в кабинете, сидя за внушительным письменным столом, а открывать дверь должна приветливая исполнительная секретарша... Но секретаршу, даже очень недорогую, его бюджет не выдержал бы, поэтому приходилось все делать самому и только в случае крайней необходимости привлекать Василису.

Итак, частный детектив Куликов лично открыл дверь и увидел на пороге ту самую полную женщину, которая только что перед подъездом ругалась с водителем такси.

Женщина была раздражена. На ее лице пылали пятна нервного румянца, она тяжело дышала и утирала пот ярким носовым платком.

– Вы детектив? – проговорила она, отдышавшись, и заглянула через плечо Куликова в его скромно обставленную прихожую, как будто рассчитывала увидеть там еще кого-то, больше похожего на частного детектива.

– Да, я детектив! – признался тот с некоторым сомнением в голосе, как будто и сам не был в этом уверен. – Пройдете в мой кабинет, там нам будет удобнее разговаривать.

Женщина запыхтела, как рассерженный еж, и проследовала за Василием Макаровичем.

Войдя в свой кабинет, Куликов сначала сел за стол, потом приподнялся навстречу посетительнице, как будто только сейчас ее увидел, и указал ей на гостевое кресло.

Та уселась в кресло, поморщилась и вытащила из-под себя безнадежно испорченную модель немецкой самоходной установки времен войны.

Василий Макарович мастерил такие модели в свободное время, а поскольку свободного времени у него было много, моделей скопилось изрядное количество.

С болью в сердце проследив за раздавленной моделью, Куликов взял себя в руки и проговорил:

– Слушаю вас!

Только теперь он как следует разглядел свою посетительницу.

Это была женщина лет сорока с небольшим, очень ярко накрашенная, с короткими обесцвеченными волосами, одетая в короткую не по возрасту юбку и ярко-розовый свитер с огромным вырезом на пышной груди. Правда, поверх выреза был повязан черный шелковый платочек, совершенно не сочетающийся с остальным нарядом. В общем, она напоминала барменшу или официантку из заведения, основную клиентуру которого составляют водители-дальнобойщики.

– Он думает, что если женщина, так можно хамить! – проговорила женщина и снова промокнула потное лицо носовым платком. – Если женщина, так можно любые деньги брать!

– Вы это о таксисте? – догадался Василий Макарович.

– А о ком же еще? – недоуменно переспросила гостя. – Если здесь всегда стоило сто рублей, а он вдруг заломил двести! Ну, я ему показала, что не из таких! Что об меня нельзя ноги вытирать! – И она шумно высморкалась.

Иногда Василия Макаровича озаряли предвидения. Точнее, иногда срабатывала его профессиональная интуиция. Так произошло и на этот раз. «С этой женщиной у меня будет масса неприятностей! – подумал он тоскливо. – Однако, к сожалению, я не в том положении, чтобы выбирать клиентов...»

– Итак, чем я могу вам помочь? – проговорил он твердо.

Женщина открыла сумку, достала оттуда сложенную вчетверо газету – ту самую, рекламную – и ткнула в объявление:

– Вот тут написано, что у вас большой опыт работы и вы поможете в разрешении проблем?

– Да, это так! – Василий Макарович солидно кивнул. – А у вас, надо полагать, проблемы?

– У меня не проблемы... – женщина шумно задышала, ее пышная грудь заходила ходуном, а ярко накрашенные губы сложились в скорбную гримасу. – У меня не проблемы, у меня горе!

Прикоснувшись к черному платочку, как будто он должен был все объяснить Василию Макаровичу, клиентка еще раз шумно вздохнула и проговорила доверительно:

– Я потеряла близкого человека!

– Близкого человека? – машинально повторил Куликов. – Насколько близкого?

– Ближе некуда! – Женщина поднесла к лицу многострадальный носовой платок, как будто собралась разрыдаться, но передумала и сообщила:

– Я потеряла мужа, Николая Захаровича!

Только теперь Куликов понял, что черный платочек, повязанный на шею клиентки, обозначает траур. Впрочем, остальной ее наряд явно не соответствовал случаю. Но и то сказать – у какой женщины окажется наготове полный траурный гардероб?

– Итак, вы потеряли мужа, – подбодрил Куликов женщину. – А чем лично я могу вам помочь?

– Вы должны восстановить справедливость! – Женщина перегнулась через стол, ее лицо выражало теперь не скорбь, а гнев и желание мести. – Она должна понести заслуженное наказание!

– Она? – переспросил Куликов. – Кто она?

– Как – кто? – брови женщины поползли вверх. – Эльвира, разумеется! Первая жена Николая Захаровича!

– Так, – Куликов придвинул к себе блокнот, взял в руку аккуратно очиненный карандаш и постучал им по столу, – теперь расскажите мне все с самого начала. За что должна быть наказана Эльвира, что случилось с вашим мужем и чего конкретно вы хотите от меня и от моего детективного агентства?

Клиентка побагровела, раскрыла рот, как выкинутая на берег рыба, однако в следующее мгновение справилась с эмоциями и довольно связно рассказала Василию Макаровичу, что ее муж, господин Ангорский, был убит на днях в собственном зоологическом магазине под названием «Собачья жизнь».

Труп Николая Захаровича нашла уборщица, явившаяся к закрытию магазина. Хозяин лежал за кассой с проломленной головой, рядом валялось орудие убийства – обыкновенный молоток. Магази́нная касса оказалась взломана, денег в ней не было.

– Так вот милиция сразу сказала – мол, зашел в магазин какой-то случайный человек и убил хозяина с целью ограбления. Сейчас, конечно, много развелось наркоманов, они и за копейку убьют. Только я вам точно скажу, – женщина снова перегнулась через стол и доверительно понизила голос, – я вам точно скажу – его убила Эльвира!

– Эльвира... – записал Василий Макарович в своем блокноте и поднял взгляд на клиентку. – Кто такая Эльвира и какие у вас основания подозревать ее в убийстве мужа?

– Так я вам уже сказала: она – первая жена Николая Захаровича! – Клиентка смотрела на частного детектива как на нерадивого ученика. – А основания ее подозревать у меня самые серьезные. Во-первых, она меня терпеть не может...

– Ну, я так понимаю, это чувство взаимное, – вставил Куликов, но клиентка его реплику не расслышала.

– А во-вторых, она его могла из-за магазина убить...

– Не понял, – Куликов снова постучал карандашом по столу. – Из-за какого магазина?

– Ну вы что – совсем меня не слушаете? – оскорбилась клиентка. – Из-за зоомагазина «Собачья жизнь»!

– А при чем здесь Эльвира? – переспросил Василий Макарович, совсем запутавшийся в показаниях экспансивной женщины.

– Так они этот магазин вместе открыли, – пояснила та, – на общие деньги. То есть Николай Захарович с Эльвирой – компаньоны. И у них в уставе записано, что если один компаньон умрет или там погибнет, то его часть достается другому. Так что это наверняка Эльвира его убила, чтобы мне напакостить и заодно магазин к рукам прибрать!..

– Ясно, – Василий Макарович нахмурился и опять что-то записал в своем блокноте. – А эта Эльвира... тоже работала в магазине?

– Ну да, станет она работать! – Женщина делано засмеялась. – Да она пальцем о палец не ударит! Николай Захарович, муж мой покойный, каждый месяц к ней ездил и деньги привозил. Я уж как была недовольна, а он только повторял, что они – компаньоны, и он с ней обязан прибылью делиться... Она, видно, решила, что лучше не делиться и все себе заграбастать, и убила моего Николая Захаровича! – Проговорив последнюю фразу, женщина откинулась в кресле и, победно воззрившись на детектива, закончила: – Так что вы должны восстановить справедливость и доказать, что это Эльвира его убила. Тогда ей по закону ничего не положено, и магазин достанется мне...

– Понятно! – Василий Макарович еще что-то записал в блокноте. – А что говорят в милиции? Вы им изложили свою точку зрения?

– Да они меня и слушать не хотят! – возмущенно воскликнула клиентка. – Они как решили, что его случайный наркоман убил, так и повторяют одно и то же. А когда я им про Эльвиру говорю – так отвечают, что у нее якобы алиби, она во время убийства в парикмахерской часа три просидела. А только она все врет...

– Так, одну минуточку! – остановил ее Куликов. – Я вашу позицию приблизительно понял и, чего вы от меня хотите, догадываюсь. Вы хотите, чтобы я по вашему заданию расследовал все обстоятельства гибели вашего мужа, господина Ангорского...

– Мне не расследовать его нужно! – перебила клиентка Василия Макаровича. – Мне нужно, чтобы вы Эльвиру в тюрьму засадили, раз уж сейчас смертной казни нету, и чтобы ей магазин не достался!

– Одну минуточку! А если в ходе расследования выяснится, что эта самая Эльвира непричастна к смерти вашего мужа?

– Этого не может быть! – отрезала клиентка.

– Как бы то ни было, мы с вами должны заключить договор, и при заключении этого договора вы внесете аванс...

– Какой еще аванс? – возмутилась клиентка. – Вы еще ничего не сделали, а я сразу аванс?

– Это обязательно, – твердо произнес Василий Макарович, – ведь я прямо с сегодняшнего дня начну следственные действия, наружное наблюдение и прочие мероприятия, а все это стоит денег. Кроме того, мне нужны средства для оплаты услуг информаторов...

– Ничего не знаю! – надулась клиентка. – Не собираюсь платить за кота в мешке! Если вы не хотите – найду другого детектива...

– И ни один из них не согласится работать без аванса! – заверил ее Куликов.

Клиентка засопела, задумалась, но все же полезла в свою сумку и неохотно выдала Василию Макаровичу скудную сумму.

– И ваш паспорт попрошу!

– А это еще зачем?

– По закону я обязан удостовериться в личности своего заказчика, – пояснил Куликов. – А вдруг вы совсем не то лицо, за которое себя выдаете? Вдруг вы вовсе не жена покойного Ангорского?

– Да как вы смеете! – возмутилась женщина, однако все же предъявила Василию Макаровичу паспорт, из которого он узнал, что его новую клиентку зовут Анна Степановна и что пять лет назад действительно был зарегистрирован ее брак с Николаем Захаровичем Ангорским. Еще он узнал самую страшную тайну Анны Степановны, из-за которой она и не хотела давать ему паспорт, – год ее рождения.

Записав все необходимые данные, Куликов пообещал клиентке держать ее в курсе расследования и проводил до дверей.

Напоследок она заверила его, что если она женщина, да к тому же одинокая, – это вовсе не значит, что за нее некому заступиться.

На следующий день мы с Бонни проспали. За окном лил дождь, поэтому я малодушно выпустила Бонни в наш крошечный дворик и посчитала это прогулкой. Сама же преспокойно легла досыпать, выложив подстилку на лестницу, чтобы мокрое и грязное чудовище не вздумало пачкать квартиру. С него-то станется еще и в кровать залезть!

Проснулась я, когда в окно светило неяркое осеннее солнце и чирикали беззаботные воробьи. Дверь сотрясали ритмичные удары – Бонни напоминал, что давно уже пора завтракать. Тут он был в своем праве, что-то я сегодня разоспалась.

Я осторожно приоткрыла дверь и высунула голову из квартиры. Бонни порядочно натоптал на лестнице, но успел обсохнуть. Он отпихнул меня от двери, как пушинку, и с налету проскочил на кухню. Увидел, что там пусто, ничего не стоит на столе и не пахнет кофе, он разочарованно взвыл.

Я насыпала в ведерную миску сухого корма.

– Кушать подано, Бонечка! Не стесняйся!

Бонни для вида потоптался на месте, но сменил гнев на милость, и через некоторое время содержимое миски исчезло в его ненасытной утробе. Я сама хотела позавтракать, но тут наткнулась в прихожей на пакет с сумкой и вспомнила, что с утра собиралась позвонить Наде в стоматологическую клинику. Надо разобраться с этим как можно скорее, а то нехорошо, что у меня краденая вещь валяется на самом виду. Как-то это все неприятно...

Я взяла телефон в кухню и закрыла дверь, чтобы Бонни не включился в разговор в самое неподходящее время. Люди реагируют на его вой неадекватно.

В клинике было занято, потом долго не брали трубку. Вот интересно, потихоньку накалялась я, клиенты им не нужны, что ли? Где Надька бегаёт?

Наконец, когда я уже решила бросить трубку, на том конце откликнулся тихий сдавленный голос:

– Клиника «Мультидент».

– Надя, это ты? – неуверенно спросила я. – Это Василиса, я приходила вчера...

– Да помню я, помню! У нас такой ужас... Татьяна Ивановна умерла! Наша доктор!

– Так-так... – тихонько сказала я, – это та самая, у которой ты хотела узнать насчет клиентки Шукиной?

– Да, ты понимаешь, я же вечером с ней говорила! Изложила всю историю, что ты приходила, она говорит – свяжется сама с этой Аленой, узнает, что у нее случилось. С утра она не пришла, а у нее больные записаны. Ну, звоню я домой, а там чужой мужской голос. Милиция уже.

– А с чего это милиция так быстро? Она что – не своей смертью умерла?

– Ножом зарезали в собственном подъезде! – выпалила Надя.

Тут в трубке послышался строгий женский голос – очевидно, Надежду ругали за то, что разбалтывает по телефону ужасную новость... Этак всех клиентов распугать можно!

Я поскорее повесила трубку.

Не помню, говорила я или нет, что учусь работе детектива у дяди Васи. То есть мотаю на ус информацию, которую он по доброте душевной изредка мне выдает. Так, Василий Макарович говорил мне, что очень не любит совпадений. Бывает, конечно, в жизни всякое, иной раз такой сюжет закрутится, никакому писателю не придумать, будь он хоть семи пядей во лбу. Но в расследовании совпадения всегда настораживают, нужно относиться к ним очень внимательно и обязательно проверять.

Итак, как только появилась возможность выяснить местонахождение хозяйки сумки и что зовут ее Алена Геннадьевна Шукина, то сразу же та докторша, подруга ее или соседка, умирает. Причем не просто так – ее убивают в собственном подъезде. Ножом в сердце. Или куда там еще, чтобы со смертельным исходом.

Я представила себе воочию эту картину – идешь спокойно себе домой, а тут набрасывается бандит с ножом... Это ужасно! Хоть из дому не выходи!

И тут же вспомнила, что у меня-то ведь есть Бонни, он всегда меня защитит. На душе стало гораздо легче, тут как раз и кофе подоспел. Я налила себе большую чашку, щедро добавила сливок и сахару. А потом сделала себе, любимой, большой калорийный бутерброд с ветчиной, сыром, помидорами и зеленым салатом. Я живу одна, приходится самой о себе заботиться.

На это тут же отреагировала моя любимая зверюга из прихожей – дверь сотряслась от удара лобастой головой. Скорее всего, Бонни учуял запах кофе и услышал чмоканье дверцы холодильника.

– Обойдешься, – сказала я, – ты уже завтракал, теперь моя очередь.

Н-да-а, размышляла я за едой, хоть у меня никакое не расследование, а чистые Боннино хулиганство и моя глупость, однако ниточка оборвалась. Во всяком случае, идти по адресу

Алены Шукиной, выясненному мной тайком в клинике, я не собираюсь, мне это просто надоело.

Тут я услышала возню и топот в прихожей. Пришлось срочно убрать со стола ветчину и открыть дверь. Представившаяся глазу картина заставила меня заорать от возмущения.

Весь пол в прихожей был усеян обрывками кожи и блестящей фурнитурой, а посередине этого разгрома лежало мое чудовище и плотоядно облизывалось.

– Бонни, волчья сыть! – заорала я. – Ты сожрал чужую сумку?

«И правильно сделал, – хмыкнул он, – нет сумки – нет проблемы! И ты наконец перестанешь маяться дуры!»

Вот именно, получается, что я дергалась совершенно зря. Бонни эту историю начал, и Бонни же ее закончил.

От подобной мысли я повеселела. Однако тут же нахмурилась. А что, если объявится хозяйка сумки? Что я ей скажу?

«Да ничего она не объявится, – мигнул выразительно Бонни, – откуда она про тебя узнает-то? Сама только не звони в клинику и не ходи туда больше...»

– И то верно! – согласилась я. – Ладно, Бонни, я не сержусь.

Он протиснулся мимо меня на кухню и распахнул слюнявую пасть – открыт, мол, для всевозможных предложений.

Я предложила солидный шмат ветчины, а сама пошла заметать кожаные огрызки.

Как ни странно, конверт с фотографиями остался даже ненадкусанным, очевидно, Бонни не понравилась жесткая гляцевая бумага. Сама не знаю почему, я отложила его в сторону. И тут в куче ошметков, бывших не так давно дорогой фирменной сумкой, я заметила нечто очень знакомое.

Маленький ботиночек бежевой замши с коричневыми шнурками, завязанными кокетливым бантиком. Такой малюсенький, на куклу.

Так-так, и где это я видела недавно точно такой же ботиночек? А я помню где, мне показывал его Леша Творогов – два бравых капитана нашли его в кармане убитого воришки по кличке Брелок. Все правильно, некоторые женщины, особенно помоложе, вешают на сумку такие вещички. И, разумеется, ботиночка было два. Очевидно, один оторвался, и Алена Шукина спрятала его в сумку. А второй забрал Брелок, когда обыскивал сумку. Забрал, надо думать, на счастье. Только счастья ему эта кража не принесла, вот что.

И что мне теперь делать? Срочно бежать к двум капитанам с ботинком? И сообщить им, что Брелок украл сумку у Алены Геннадьевны Шукиной, адрес прилагаю. Ну и что они мне скажут? Во-первых, предложат показать сумку. А когда я разведу руками, то обругают растяпой и безответственной личностью – не уберегла, мол, вещественное доказательство. А потом тяжело вздохнут, потому что им-то важно узнать, кто убил воришку. А кого он обокрал – дружным капитанам совершенно без разницы. Все равно теперь Брелок мертв, и обвинений ему не предъявишь.

Так что Бонни прав – нужно забыть наконец о треклятой сумке и заняться своими делами.

Тут я осознала, что уже очень давно не видела дядю Васю. А это значило только одно: он получил заказ и теперь занят делом. А меня опять обошел, считая, что справится без меня. Так и есть, телефон занят. Ну хорошо хоть пока он дома, а то детектива ноги кормят, так что нужно поймать его, пока не ушел.

– Бонни, идем к дяде Васе? – позвала я.

Пес уже стоял у дверей, держа в зубах поводок.

Проводив Анну Степановну Ангорскую, Куликов набрал номер своего родного отделения милиции, в котором он верой и правдой отслужил больше двадцати лет.

Ответила ему дежурная по отделению старший лейтенант Колпакова.

– Леночка, – доверительно обратился к ней Василий Макарович. – Не в службу, а в дружбу, скажи, кто у нас занимается убийством директора зоомагазина?

– Василий Макарович, вы же знаете – нам не положено такую информацию посторонним сообщать!

– Я посторонний? – возмутился Куликов. – Я, между прочим, в отделении больше двадцати лет отслужил! Когда я свое первое дело успешно закрыл, тебя еще на свете не было! Когда мне благодарность в приказе объявили за арест Валидола, ты еще в детском саду в кубики играла!

– Не обижайтесь, Василий Макарович, – Колпакова понизила голос. – Тут полковник мимо проходил, так что вы понимаете... а делом директора капитан Зубчик занимается.

– Да ты что – серьезно? – изумился Василий Макарович. – Как же это так получилось?

– Да вот так уж вышло, – вздохнула Лена. – Остальные все, как назло, заняты были, вот полковник ему и поручил... Дело вроде простое, может, справится...

Капитан Анатолий Зубчик славился в отделении тем, что за все время своей службы не раскрыл ни одного дела. Даже элементарную кражу в школьном буфете умудрился благополучно завалить. Он терял важные вещественные доказательства, путал улики, не умел грамотно провести допрос свидетеля, и в итоге любое самое простое дело, порученное ему, вскоре переходило в разряд «глухарей» или «висяков». Правда, он замечательно умел оформлять всевозможные отчеты и протоколы, за что начальство его любило и постоянно ставило в пример остальным сотрудникам.

Впрочем, капитан Анатолий Зубчик был человеком покладистым и невредным, и отношения с остальными сотрудниками отделения у него сложились хорошие.

Василий Макарович тут же перезвонил Зубчику, честно признался, что клиент поручил ему расследовать убийство в зоомагазине, и попросил бывшего коллегу поделиться информацией.

– Может, Толя, и тебе какая польза обломится, – добавил Василий Макарович. – Если что разузнаю – с тобой поделюсь. Как говорится, ты – мне, я – тебе, и что интересно, оба в выигрыше...

Зубчик тяжело вздохнул и вкратце изложил Василию Макаровичу все, что успел выяснить.

Как уже знал Куликов, директора магазина Ангорского нашла приходящая уборщица. Николай Захарович лежал на полу с разбитой головой, рядом валялся молоток, который, судя по следам крови на нем и характеру раны, и послужил орудием убийства. Касса магазина была взломана, вся наличность из нее похищена.

Капитан Зубчик допросил уборщицу и продавщицу. Уборщица повторяла только, как она ужасно перепугалась, увидев мертвого хозяина, и добиться от нее чего-нибудь полезного Анатолий не сумел. Продавщица, неразговорчивая унылая тетка предпенсионного возраста, сообщила, что хозяин отпустил ее за полчаса до закрытия, сказал, что покупателей мало и он сам управится.

– Значит, время убийства установлено точно – между половиной седьмого и семью вечера! – заключил Зубчик, гордый тем, что смог сделать такой важный вывод.

– А что насчет подозреваемых? – поинтересовался Василий Макарович.

– С подозреваемыми хуже! – грустно вздохнул Анатолий. – Думаю, случайно зашел какой-нибудь гастролер, увидел, что директор один в магазине, шархнул его молотком, кассу вскрыл, забрал наличность и был таков...

– Гастролер? Почему непременно гастролер? – уточнил Василий Макарович.

– Ну, свой вред ли из-за такой ерунды пошел бы на мокрое дело...

– Из-за ерунды? А почему ты думаешь, что из-за ерунды?

– Так продавщица сказала, что за весь день у них появилось всего несколько покупателей, так что денег в кассе было всего ничего.

– А больше из магазина ничего не пропало?

– Вроде ничего... – Зубчик замаялся. – Попугай еще пропал. Да видно, сам улетел – клетку случайно открыли, вот он и воспользовался ситуацией.

– Так сказать, УДО... – задумчиво проговорил Василий Макарович.

– Да не удод, а попугай! – поправил его Зубчик.

– Да нет, я говорю – попугай освобожден по УДО, то есть условно-досрочному освобождению! А что с орудием убийства?

– Ничего, – вздохнул Зубчик, – никаких отпечатков пальцев на молотке не обнаружено.

– Никаких? – удивленно переспросил Василий Макарович. – Значит, убийца либо действовал в перчатках, либо тщательно протер ручку после дела... А сам-то молоток опознали?

– Нет, продавщица сказала, что у них в магазине такого вроде бы не было.

Василий Макарович поблагодарил коллегу и решил, что нужно самому осмотреть место происшествия.

Зоологический магазин «Собачья жизнь» располагался тут же, на Васильевском острове – на углу Малого проспекта и Двенадцатой линии.

Дверь магазина была опечатана.

Дядя Вася прошелся по тротуару, поглядел на витрину.

Здесь были выставлены птичьи клетки, сумки-переноски для кошек и маленьких собачек, кормушки, когтеточки и прочие товары для домашних любимцев. Вдруг он заметил в глубине помещения какое-то движение. Дядя Вася прижался лицом к витрине, но больше ничего не увидел. Тогда он вошел под арку и вскоре нашел заднюю дверь магазина. На эту дверь тоже наклеили бумажку с фиолетовой печатью, но она оказалась отклеена с одной стороны, а сама дверь не заперта. Василий Макарович осторожно, стараясь не скрипеть петлями, приоткрыл дверь и проскользнул внутрь магазина.

Привыкнув к полутьме, он двинулся вперед и вскоре заметил сутулую женскую фигуру.

– Эй, кто здесь хозяйничает?! – сурово окликнул Куликов таинственную незнакомку.

Та испуганно вскрикнула, бросилась наутек, но тут же споткнулась о мешок с кошачьим кормом и упала.

Василий Макарович подскочил к ней и помог подняться.

Перед ним стояла бледная, перепуганная особа лет пятидесяти, в выцветшем сатиновом халате некогда синего цвета. Руки у нее тряслись от страха, а зубы выбивали дробь, как барабан перед исполнением смертельного номера.

– Не убивайте меня! – взмолилась она, в ужасе глядя на Куликова. – Берите все, что угодно, только не убивайте!

– Да что вы, женщина, вообразили? – удивленно проговорил Василий Макарович. – За кого вы меня приняли? Я вообще-то бывший сотрудник милиции, а сейчас частный детектив! – И он предъявил ей свое удостоверение.

Увидев удостоверение и разглядев добродушное дяди-Васино лицо, женщина успокоилась, даже перестала стучать зубами.

Убедившись, что опасность миновала, дядя Вася посуровел и спросил незнакомку:

– А вот вы кто такая и по какому праву находитесь в помещении, опечатанном милицией? На этот раз, кажется, женщина собралась плакать.

– Отставить! – строго прикрикнул на нее Василий Макарович, который, как большинство мужчин, совершенно не переносил женских слез.

Строгость подействовала: женщина передумала плакать и сообщила, что зовут ее Надежда Михайловна Варенцова и что она работает продавцом в этом самом магазине.

– Точнее, работала! – вздохнула Надежда Михайловна. – А уж как теперь сложится при новой хозяйке, я и не знаю...

– А почему же вы в опечатанное помещение проникли? – повторил Куликов вопрос. – Вы же грамотная женщина, знаете, что это нарушение закона!

– Знаю, – вздохнула Надежда Михайловна. – Только как же я их всех без питания оставлю? – Она обвела жестом клетки с кроликами и хомяками, морскими свинками и куницами, аквариумы с экзотическими рыбками, террариумы с ящерицами и змеями и прочую живность. – Они же погибнут без ухода!

– Верно, – согласился Василий Макарович, задумчиво почесав затылок. – Это вы правильно говорите... нельзя их без присмотра оставлять... Ладно, я со своими коллегами договорюсь как-нибудь. Думаю, этот вопрос мы урегулируем. А вы мне за это расскажите все, что знаете по поводу убийства хозяина.

– Да я уже товарищу вашему все рассказывала... то есть и рассказывать-то нечего! Я ведь как ушла за полчаса до закрытия, так больше ничего и не видела!..

– А почему вы раньше хозяина ушли? – поинтересовался дядя Вася. – Торопились куда-нибудь?

– Да нет, никуда особенно не торопилась. – Женщина вздохнула. – Николай Захарович сам мне велел уйти. Он и раньше иногда меня отпускал за полчаса до закрытия...

Женщина замолчала, но Василий Макарович почувствовал, что она чего-то не договорила.

– А как вы думаете, почему он вас отпускал?

– Ну... – Надежда Михайловна замялась, – мне кажется, он кого-то ждал и не хотел, чтобы я этого человека видела...

– Женщину?

– Ну, я не знаю... – Надежда Михайловна потупилась. – Я в его дела никогда не вмешиваюсь... то есть не вмешивалась... – И она снова тяжело вздохнула.

– Спасибо... – Василий Макарович внимательно огляделся. – А вот еще что я хотел спросить... Мне сказали, что у вас, кроме денег, еще попугай пропал.

– И вовсе не попугай! – возразила Надежда Михайловна.

– Как – не попугай? – Василий Макарович заглянул в свои записи. – Вот же, с ваших же слов написано, что попугай!

– Да мало ли что написано! Ваш товарищ, что меня расспрашивал, бестолковый какой-то, человеческих слов не понимает... Я ему ясно сказала, что попугаиха, а он записал – попугай... да ему, верно, что попугай, что попугаиха – никакой разницы.

«Вообще-то я и сам вряд ли отличу попугая от попугаихи, – подумал дядя Вася. – Черт их знает, чем они отличаются... Однако, что интересно, эта Надежда Михайловна не только в попугаях, но и в людях неплохо разбирается. С первого раза поняла, что Толя Зубчик – человек редкостно бестолковый».

А Надежда Михайловна продолжала:

– Люка ее звали. Такая хорошая девочка была! Порода редкая и очень красивая – зеленый желтолобый амазон. И говорила, и пела... И ведь вот что значит – дама: другие попугаи только и знают – попка дурак! Да еще и выражения нецензурные употребляют. А Люка наша очень деликатная была: выражалась исключительно литературным языком, даже падежи не путала. А как пела – заслушаешься! И классические романсы исполняла, и даже арии из опер!

– Как же так случилось, что она улетела? Видимо, кто-то забыл клетку запереть?

– Да что вы такое говорите! – возмутилась Надежда Михайловна. – Как можно клетку не закрыть! Это у нас самое главное дело, чтобы все клетки непременно заперты были. Вы только подумайте – ну, если попугай улетит, это еще полбеды, а если хищник какой-нибудь сбежит? Хоть та же куница, – Надежда показала на крупного рыжеватого зверька, затаившегося

в углу просторной клетки. – Она хоть и не очень большая, а кошку загрызет запросто. Или другое домашнее животное. И это тоже не самое страшное. А если змея удерет ядовитая? Это ж вообще подсудное дело! Человеческие жертвы могут быть! Так что насчет клетки вы зря, клетку открытую у нас оставить не могли! Технику безопасности всегда соблюдали!

– Так что же это значит, – задумчиво проговорил Василий Макарович. – Выходит, что вашу попугаиху преступник унес? Тот самый, кто директора убил?

– Очень даже может быть! – согласилась Надежда Михайловна. – Одно только вам скажу – когда я уходила, Люка сидела на месте. Она мне еще вслед пропела: «Прощай, любимый город...» Знаете, песня такая была советская...

– Уходим завтра в море... – машинально продолжил Куликов.

– Вот-вот. А потом, когда меня ваш товарищ сюда для допроса вызвал, Люки уже не было и клетка открыта...

– Странно... – протянул Василий Макарович. – После убийства он еще и попугая прихватил?

Он еще раз оглядел зоомагазин, попрощался с Надеждой Михайловной и вышел на улицу.

Ему нужно было обдумать полученную информацию. Что-то в ней не увязывалось.

Неподалеку от зоомагазина располагалось популярное заведение общепита, известное среди местных жителей под названием «Застой». Официально оно называлось котлетная «Полянка», но всякого, кто заходил в гостеприимные двери этого заведения, охватывало ни с чем не сравнимое чувство ностальгии, он словно перемещался на тридцать лет назад, во времена развитого застоя.

Об этих временах напоминало все – от шатких пластиковых столов, кое-как вытертых грязной тряпкой, до немудреных закусок, выставленных возле стойки на всеобщее обозрение: рыжая бочковая сельдь с репчатым луком и отварной картошкой, та же сельдь под шубой, винегрет, опять же с сельдью, и, само собой, котлеты. Котлеты были двух видов – «домашние» и «аппетитные». Причем если «домашние» котлеты явно не имели ничего общего с настоящей домашней кухней, то «аппетитные» ни у кого не вызывали аппетита.

Впрочем, многочисленные посетители «Застоя» приходили сюда вовсе не ради еды: они приходили выпить водки в компании себе подобных и поговорить о давно минувших временах.

Дядя Вася прошел через просторное помещение котлетной, лавируя между столиками и невольно слыша обрывки душевных нетрезвых разговоров:

– ...Вот ты думаешь, кем я был в восемьдесят шестом году?.. Ты даже не представляешь...

– ...А эта зараза, жена моя бывшая, и говорит – чтоб я твою пьяную морду больше не видела...

– ...Я ему прямо так в лицо и сказал: как хотите, а я на это не согласный!.. Я токарь седьмого разряда и на такое не подписываюсь!..

– ...В комнату вхожу, а она с этим козлом в кровати...

– ...Я ведь доцентом был, и диссертация у меня была вот такая толстая... не помню, правда, на какую тему...

Откуда-то из глубины помещения доносился хрипловатый проникновенный женский голос, который выводил:

– Как теперь не веселиться, не грустить от разных бед, в нашем доме поселился замечательный сосед...

За стойкой возвышалась королева котлетной, знаменитая Нюра – рослая плечистая женщина неопределенного возраста, с мелко завитыми неестественно светлыми волосами и губами

кровоаво-красного цвета, нарисованными несколько не на своем месте. В общем, классическая блондинка общественного питания.

Нюра оглядывала подведомственную котлетную и ее многочисленных клиентов, как капитан пиратского корабля оглядывает свой бриг и его разношерстную команду в предверии надвигающегося шторма. Нюра была не только буфетчицей, но в то же время финансовым директором «Полянки» и службой безопасности и со всеми этими обязанностями справлялась блестяще.

– А ну, мотай отсюда! – беззлобно рявкнула Нюра, когда к прилавку подошел плюгавый мужичонка в изжеванной кепке неопределенного цвета, которую в народе называют «плевок алкаша». – Ты мне еще с позапрошлого вторника сорок два рубля должен.

– Ну, Нюручка, – мужичонка заглядывал ей в глаза преданным собачьим взглядом, – ну, Нюручка, ты же меня знаешь – я всегда!.. Если у меня временные трудности, так это ничего... это пройдет, и непременно настанет светлое будущее!

– Именно, что я тебя знаю как облупленного! И если у тебя что и есть постоянное – так это временные трудности. Так что не надейся – в долг я тебе и двадцати грамм не налью!

Тут Нюра краем глаза заметила назревающий за одним из столиков скандал и проговорила вроде бы не очень громко, но чрезвычайно доходчиво:

– Эй, Клешня! Если не сбавишь обороты, я тебя лично выкину за пределы заведения, вместе со всеми твоими дружками! Ты меня знаешь, у меня рука тяжелая!

Клешня, мрачный сутулый мужик с искусственной рукой, повернулся к стойке и миролюбиво проговорил:

– Нюручка, мы ничего! Это мы просто за отечественный футбол переживаем!

– Сбавьте обороты или будете на улице переживать! – строго предупредила его Нюра и повернулась к дяде Васе:

– Кого я вижу! Никак Василий Макарович! Вам грамм сто пятьдесят для начала и селедочки?

– Нет, Нюра, ты же знаешь, я не употребляю, – посуровел Куликов. – При моей работе это никак нельзя!

– Так вы же вроде как теперь свободный человек, на пенсию вышли?

– Эх, Нюра! – вздохнул дядя Вася. – Если бы на ту пенсию можно было прожить... Я к тебе вообще-то по делу...

– По какому такому делу? – Нюра насторожилась. – Вы же знаете, Василий Макарович, при моей работе...

– Ты, Нюра, слышала, что директора зоомагазина на Двенадцатой линии убили?

– Ну, уши есть, чего не услышишь! – ответила Нюра уклончиво.

– А что, никто из твоих соколиков об этом не трепался? – Куликов выразительно оглядел контингент котлетной.

– Да этих соколиков слушать – себе дороже! – отмахнулась Нюра. – Я как считаю: меньше разговоров – больше выручка!

Вдруг тот женский голос, который доносился из подсобного помещения, жизнерадостно грянул:

– Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз!..

– О, чего это? – прислушался дядя Вася с интересом. – Это радио у тебя? Так вроде же эту песню ансамбль пел вокально-инструментальный, а тут одна женщина старается...

– Да это не радио! – развеселилась Нюра. – Это я себе подругу завела голосистую! Эй, подруга, швартайся к нам!

Тут же пение прервалось, и из подсобки вылетел большой зеленый попугай с ярко-желтым пятном на лбу. Сделав круг почета над стойкой, попугай приземлился к Нюре на плечо.

– Вот, Василий Макарович, моя подруга, – представила Нюра. – Очень у нее репертуар для нашей котлетной подходящий!

– Желтолобый амазон! – задумчиво проговорил дядя Вася. – Подруга, говоришь? А зовут ее как? Не Люка, случайно?

– Я ее Эдитой Станиславовной зову, – сообщила Нюра. – А что? Никак вы с ней знакомы?

– Лично не знакомы, не встречались. Только Расскажи мне, Нюра, откуда у тебя такая подруга завелась? Дело в том, что она, вполне возможно, свидетельницей проходит по серьезному делу.

– По серьезному? – переспросила Нюра, поскучнев.

– Серьезнее не бывает, – кивнул дядя Вася. – По тому самому убийству, про которое я тебя спрашивал. Зоомагазин на Двенадцатой, где директора замочили...

– Ах он, скотина! – Нюра насупилась. – Так и знала, что втянет меня в неприятности! Но уж больно мне подруга эта понравилась! – Буфетчица почесала попугаиху под крылом.

– Так, теперь, пожалуйста, медленно и подробно, – попросил Василий Макарович. – Кто конкретно скотина, о чем вы с ним говорили и как к тебе попала эта вокалистка.

И Нюра рассказала Василию Макаровичу, что буквально на днях к ней в котлетную зашел Гена Прыщ.

– Никчемный мужичонка, – добавила буфетчица, – одно слово – Прыщ! Дрянный человек...

Прыщ вошел в «Застой», прижимая к груди нечто, завернутое в клетчатый шерстяной платок, подошел к стойке и потребовал двести граммов и два бутерброда с полукопченой колбасой.

– Никак разбогател? – осведомилась Нюра подозрительно.

Понять ее подозрения было несложно – Гена платил ей неаккуратно и норовил выпить на халяву. Но на этот раз он гордо продемонстрировал буфетчице туго набитый кошелек, заплатил за свой заказ и даже угостил кое-кого из завсегдатаев котлетной.

Нюра выдала ему заказ, и в это время из его клетчатого свертка донесся жалобный голос:

– Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не знаю, ничего никому не скажу!

– Что там у тебя – радио? – удивилась Нюра.

– Да вот, попугай в форточку залетел! – Прыщ развернул платок и показал буфетчице яркую птицу. – Хочешь – продам? Недорого возьму!

– Какой же это попугай? – проговорила наблюдательная Нюра. – Это же попугаиха! Я женщину завсегда отличу!

– А мне один черт – что попугай, что попугаиха... давай пятьсот рублей, и делай с ней что хочешь – хоть сациви, хоть попугая-табака!..

– Вот я ее и купила! – закончила Нюра свой рассказ.

– В форточку залетел, говоришь? – недоверчиво протянул Василий Макарович.

– Это не я говорю, – открестилась Нюра, – это Гена Прыщ сказал, а он соврет – недорого возьмет!

– А где Прыща можно найти?

– Он когда не у меня в «Полянке», так непременно возле гаражей ошивается, которые возле Смоленки. Он там у мужиков на подхвате – чего-нибудь принести, чего-нибудь подать, в магазин сбегать...

– Ты же говоришь, Нюра, что у него денег много было? Зачем же ему шестерить?

– А то, Василий Макарович, вы таких людей не знаете! – Нюра махнула рукой. – У Гены Прыща деньги дольше одного дня не держатся! Ему хоть миллион сегодня дай – завтра уже придет просить, чтобы в долг налили!

Василий Макарович поблагодарил буфетчицу и отправился на берег реки Смоленки.

Там, в дальнем конце Васильевского острова, с давних времен размещались гаражи, вокруг которых образовалось нечто вроде мужского клуба. Здесь в любое время года, в любое

время суток толклись владельцы недорогих отечественных машин и побитых иномарок, занимаясь мелким ремонтом или просто проводя время подальше от семьи. Здесь же крутились всевозможные темные личности, промышлявшие краденными деталями, и просто мелкая василеостровская шантрапа.

Едва дядя Вася приблизился к гаражам, навстречу ему попался толстый небритый тип с маленькими бегающими глазками.

– О, какие люди! – приветствовал он Василия Макаровича. – Сам капитан Куликов!

– Здравствуй, Пузырь! – отозвался дядя Вася. – А ты разве уже на свободе?

– Досрочно освободили, за примерное поведение! А ты, Макарыч, разве еще служишь?

Тут слухи ходили, что тебя проводили на пенсию. Или народ ошибается?

– Да нет, все правильно, на пенсии я! – подтвердил Василий Макарович. – Народ у вас правильно информирован. А сюда я по личному делу пришел. Мне бы свечи новые для моей «ласточки» купить, а то у нее искра пропадает. Только что была – и вдруг пропадает!

– Это непорядок, – солидно согласился Пузырь.

– Только подешевле бы мне, – добавил дядя Вася. – А то, сам понимаешь, на пенсию не очень разгуляешься.

– Свечи, говоришь? – переспросил Пузырь. – Свечи – это можно. Тем более старому знакомому... Только, Макарыч, сам понимаешь – если подешевле, то не из магазина. Так что смотри – чтобы ко мне никаких претензий!

– Само собой, Пузырь! Мне один черт – лишь бы искра была!

Пузырь поманил Василия Макаровича за собой и нырнул в проход между гаражами. Они шли некоторое время по узкой извилистой тропинке и вскоре оказались на вытоптанном пяточке, где было что-то вроде маленького авторынка.

На ящиках, на мешках и просто на земле были разложены подержанные детали от «жигулей», «запорожцев», «москвичей» и прочих шедевров отечественного автопрома, а около них прохаживались юркие мужички с перемазанными маслом руками.

– Вот, знакомому моему свечи нужны для «жигулей»! – сообщил Пузырь, показав на скромно потупившегося Василия Макаровича. – Посодействуйте хорошему человеку!

– Посодействовать можно, – солидно проговорил коренастый мужчина в кожаной куртке. – А какова цена вопроса?

– Мне бы подешевле, – вздохнул дядя Вася. – На пенсии я!

– Понятно, – кивнул продавец. – Можно и подешевле! Соответственно цене и качество! –

Он махнул рукой плюгавому типу с бегающими глазками: – Прыщ, ну-ка, сбегай к Андрюхе, у него были свечи! Только смотри, одна нога здесь, другая там!

Прыщ мигнул по очереди обоими глазами и юркнул в проход между гаражами. Дядя Вася последовал за ним, занял удобную позицию и подобрался, как спортсмен перед выстрелом стартового пистолета.

Через несколько минут Прыщ снова появился с тяжелым свертком в руках.

Дядя Вася шагнул ему навстречу и проговорил:

– Никак Гена Прыщ собственной персоной?

– А тебе, дядя, чего надо? – насторожился Прыщ. – Я тебе свечи принес, плати и забирай!..

– Свечи – это хорошо, – кивнул Василий Макарович. – Со свечами мы позднее разберемся. А сейчас, Гена, расскажи мне по-хорошему, как ты господина Ангорского убил с целью ограбления.

Гена выронил сверток со свечами и развернулся на сто восемьдесят градусов, намереваясь дать стрекача. Однако дядя Вася этого ждал. Несмотря на свой солидный возраст, он не утратил профессиональных навыков. Схватив Гену за локоть, он заломил его руку за спину и проговорил, тяжело дыша от напряжения:

– Вот бегать не надо! Этого я не люблю, и не в том я возрасте, чтобы бегать, даже на короткие дистанции! Лучше сразу признавайся, что сделал с господином Ангорским!

– Не знаю я никакого Ангорского! – занял Прыщ. – Что еще за Ангорский такой? И вообще, дядя, чего тебе от меня надо? Ты же вроде на пенсии?

– На пенсии – это не значит, что не при делах, – туманно ответил дядя Вася. – Так что лучше отвечай насчет Ангорского, а то передам тебя Толе Зубчику, а он – настоящий зверь!

– Да что за Ангорский такой? – хныкал Прыщ. – Первый раз про него слышу!

– Первый раз, говоришь? – сурово проговорил Василий Макарович. – И в зоомагазине на Двенадцатой линии не был?

На этот раз Прыщ ощутимо затрясся от страха и ответил дрожащим голосом:

– Н-не был... что мне там делать, с хомяками этими? А крыс я вообще на дух не переношу!

– Ага, знаешь, что там хомяки и крысы! Значит, точно был!

– Да что ты меня ловишь, дядя? – От возмущения Прыщ перестал трястись. – В каждом зоомагазине хомяки и крысы имеются, так что не лови меня на слове! И не шей мне мокрое дело! Кого хочешь спроси – Гена Прыщ по мелочи работает, а на мокрые дела никогда не ходил!

– Все когда-то первый раз случается! – перебил его Василий Макарович. – У меня свидетель имеется!

– Какой еще свидетель? – забормотал Прыщ. – Не может быть, чтобы свидетель! Там никого не было!

– Ага! Значит, сам-то ты там был!

– Ничего не знаю, нигде не был! – заверещал Прыщ. – Отстань от меня, дядя, по-хорошему!..

– Так вот, Прыщ, все равно тебе придется сознаваться! Мне Нюра из «Застоя» все рассказала!

– Нюрка-то? – удивился Гена. – Да что вы ее слушаете? Как она могла рассказать, если сама там не была?

– Не была-то не была, а попугай кто ей принес? Точнее, попугаиху?

– Ничего не знаю! – уперся Прыщ. – Мой собственный попугай, что хочу, то с ним и делаю!

– Врешь! – Дядя Вася сурово нахмурился. – Попугай этот непростой, редкой бразильской желтолобой породы. Такой всего один и есть в городе. Так что не проходит твоя отмазка!

– Ну, не мой! – пошел Прыщ на попятную. – Это я так сбрехнул, для солидности. А попугай этот ко мне в окно залетел...

– Ну, вот что, Прыщ! – Дядя Вася тяжело вздохнул. – Надоел ты мне хуже горькой редьки. Вертишься и жулишь, как угорь на сковородке. То твой попугай, то в окно залетел... Сдам тебя Зубчику как главного подозреваемого, пускай он сам с тобой разбирается! А он – настоящий клещ: вцепится – не оторвешь! Все из тебя выжмет!

– Ну, не убивал я этого мужика! – взмолился Прыщ. – Не убивал! Когда я вошел, он уже мертвый был!

Он тут же испуганно захлопнул рот, но было поздно: слово – не воробей, вылетело – не поймаетшь.

– Ну, выкладывай срочно, как дело было! – подтолкнул его Василий Макарович.

– Да как было-то... – Гена пригорюнился, опустил голову. – Я в том дворе и оказался-то случайно – одному фраеру велели посылочку отнести. Я посылку отдал, вышел – смотрю, задняя дверь магазина открыта. Ну, думаю, беспорядок – мало ли людей вокруг ходит, еще сопрут чего-нибудь... Люди же сейчас сами знаете какие...

– Ага, честный ты наш! – насмешливо проговорил Василий Макарович.

Гена его сарказма не заметил или сделал вид, что не заметил, и продолжил свой рассказ:

– Значит, подошел я к двери и окликнул: «Есть кто-нибудь?»

Правда, если говорить честно, Гена сказал это совсем негромко, а когда ему никто не отозвался, он тихонько проскользнул в магазин и прикрыл за собой дверь.

Он решил воспользоваться легкомыслием магазинных служащих и прихватить из подсобки что-нибудь ценное.

Однако за дверью ничего ценного не оказалось: там лежали сложенные штабелями пакеты с наполнителем для кошачьего туалета. Хотя пакеты были импортные, красивые, однако практичный Прыщ подумал, что продать их будет не очень легко. Наполнитель для туалетов пока не является предметом первой необходимости.

Тогда предприимчивый мошенник прокрался через подсобку и выглянул в торговый зал.

Как ни странно, там тоже не оказалось ни души. В помещении магазина царил полумрак, но не тишина: со всех сторон доносились шорох и скрип, шуршание и вздохи, тревожный писк и негромкое поскуливание. Это пищали, скулили, шуршали и издавали прочие звуки встревоженные обитатели магазина.

– Что ж это – никого нету? – проговорил вполголоса Прыщ, все еще не веря в свою удачу.

Ему никто не ответил, даже потревоженные звери затихли.

Тогда мошенник подкрался к кассе и, еще раз пугливо оглядевшись, вскрыл ее лезвием складного ножа. К его радости, в кассе оказалось довольно много денег, по его представлениям. Видимо, дела в зоомагазине шли неплохо.

Прыщ выгреб из ящика наличность, распахал ее по своим карманам и хотел уже поскорее убраться из магазина, как вдруг в тишине раздался женский голос:

– Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет...

– А я ничего! Я случайно зашел! – забормотал Прыщ, вертя головой. – А касса уже была открыта...

– Значит, снова нам идти в незримый бой... – пропел тот же голос, – так назначено судьбой для нас с тобой...

И тут Прыщ увидел, что голос доносится из большой клетки, в которой сидит попугай.

В первый момент Гена хотел тут же убежать, но потом подумал, что громкое пение попугая раньше времени привлечет чье-нибудь внимание. Тогда он схватил первую попавшуюся тряпку, открыл клетку попугая и накинул тряпку на голосистую птицу.

Попугай тут же замолк.

И тут Гена вспомнил, что его соседка по коммунальной квартире Марья Ивановна Сидорова говорила на кухне, что попугаи нынче в цене, особенно говорящие.

Гена обхватил молча выдирающегося попугая, прижал его к себе и устремился к выходу из магазина... но тут споткнулся о какой-то валяющийся на полу громоздкий предмет.

Как уже было сказано, в магазине царил полумрак, и Гена не сразу разглядел препятствие, о которое споткнулся. Выругавшись и чуть не выронив от неожиданности беззвучно выдирающегося попугая, он наклонился над темной грудой, валяющейся на полу... и в ужасе вскрикнул:

– Мать честная!

Перед ним валялся человек.

Голова у этого человека была разбита, вокруг нее расплывалась лужа крови, а сам неизвестный не подавал никаких признаков жизни.

– Ох ты, господи! – вскрикнул Гена и, с неожиданной прытью перескочив через труп, бросился прочь из магазина.

Опомнился он только в соседнем дворе – перепуганный, дрожащий, с попугаем под мышкой...

– Мать честная! – повторил Гена, перед глазами которого все еще стояла жуткая картина в магазине – труп на полу и расплывающаяся вокруг лужа крови...

Впрочем, его больше испугала не сама картина смерти, а то, что он оказался, как говорится, не в том месте и не в то время и теперь у него есть все шансы загреметь за убийство, которого он не совершал. Он наверняка наследил в чертовом магазине, особенно когда взламывал кассу. При нем находятся деньги из этой кассы, а самое главное – попугай...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.